

A woman with long, wavy brown hair and a serious expression is the central figure. She is wearing a dark blue long-sleeved dress with a gold-embroidered bodice and a dark corset underneath. She stands in a grand, gothic-style library. Behind her are tall wooden bookshelves filled with books. To her left is a large, ornate window with diamond-shaped panes, through which warm sunlight streams, casting a glow on her hair and the scene. In the foreground, to the right, is a wooden desk with an open book and a small globe. The overall atmosphere is one of historical elegance and intellectual pursuit.

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

БИЗНЕС-ВУМЕН
ЗАМКА
ЛАВЕНБРИ

Надежда Соколова

Бизнес-вумен замка Лавенбри

<https://litres.ru/74531062>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне 38, и я попаданка. Вот уже 2 года я живу в магическом мире, в собственном замке, развиваю свой бизнес, забочусь о своих крестьянах, ремонтирую свой замок. И даже думать не хочу о женихах. Ни о ком из них. Даже о красавце-аристократе, зачистившем в мой замок.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	55
Глава 12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Надежда Соколова

Бизнес-вумен

замка Лавенбри

Глава 1

Найденные деньги — сто шестьдесят три марки — мы тратили не сразу, а постепенно, в течение нескольких дней. Джек и Эста составили список — длинный, в несколько столбцов, — и мы шли по нему сверху вниз, закрывая одну нужду за другой. Я хотела, чтобы всё было сделано правильно — без спешки, без ошибок, с умом.

Первым делом закрыли долги. Это было ещё в тот же день, когда пересчитали монеты. Джек взял сорок марок и поехал в город — к тем, кому мы были должны: мельнику за муку, торговцу тканями за лён, кузнецу за гвозди и подковы, лекарю за травы, которые он покупал в прошлом месяце. Он вернулся к вечеру и сказал, что все долги закрыты, и что торговцы удивлялись — не ждали, что мы заплатим так скоро. Джек ответил коротко: «Хозяйка не любит быть в долгу». Это была правда.

Второе — продукты. Мука, масло, соль, крупы, свечи, мыло. Эста отправила в город две подводы — с помощниками и

списком. Муку взяли у старого мельника — двадцать мешков, ржаной и пшеничной, — и он, обрадованный, что ему заплатили вперёд, скинул цену. Масло купили у торговца, который держал лавку на Рыночной площади; растительное — четыре больших кувшина, топлёное — шесть. Соль — два мешка, крупную и мелкую. Крупы — гречневую, овсяную, ячневую — по три мешка каждой. Свечи — сальные, восковые, — целый ящик. Мыло — хозяйственное и туалетное — два ящика. Всё это привезли в один день, и кладовые, которые ещё неделю назад стояли полупустыми, снова наполнились. Эста ходила между полками и пересчитывала — и я видела, как она улыбаётся.

Третье — ткани и кожа. Швейи ждали этого давно. Марта подала список: лён — белый и серый, шерсть — тёмно-синяя, зелёная, коричневая, шёлк — для заказов, золотая нить — для вышивки. Джек поехал к сёстрам Вайс — они держали лучшие ткани в городе — и купил всё по списку, да ещё и с уступкой, потому что мы были их постоянными покупателями. Кожу — для скорняков — взяли у охотников, которые как раз вернулись с промысла. Бран сам выбрал несколько шкур — оленьих, кабаньих, — и сказал, что этого хватит на месяц работы.

Четвёртое — пергамент, чернила, перья, краски. Переписчицы работали быстро, и запасы таяли. Лизбет подала список: пергамент — тридцать листов, чернила — чёрные и красные, перья — гусиные, разных размеров, краски — для

иллюминаций. Джек поехал к господину Крамеру — тому самому торговцу писчими принадлежностями, который продал нам книги. Крамер обрадовался заказу, дал хорошую цену и обещал привезти всё на следующей неделе. Часть денег Джек оставил ему вперёд — и Крамер сказал, что если мы будем брать регулярно, он даст нам скидку.

Пятое — мебель и бельё. Это было самое дорогое и самое долгое. Столяр в городе — тот, к которому обратился Джек, — взял заказ на четыре кровати, стол, шесть стульев и полки для скриптория. Он обещал сделать всё за две недели — и запросил тридцать марок. Джек заплатил вперёд, и столяр начал работу в тот же день. Матрасы, подушки, одеяла — это Эста взяла на себя. Она купила лён на простыни и наволочки, шерсть на одеяла, и велела швеям сшить всё это. Матрасы набили свежей соломой и шерстью — этим занимались новые работницы, которые пришли из деревень. К концу недели в комнатах для новых переписчиц стояли кровати, застеленные чистым бельём, и на окнах висели лёгкие занавески.

Шестое — лекарства и травы. Найр Готлиб получил деньги на покупку трав и склянок. Он заказал у торговца ромашку, чабрец, кору ивы, мать-и-мачеху, и ещё что-то, что я не запомнила. Купил новые склянки — тёмное стекло, с пробками, — и бинты. И ещё — он взял Лину в ученицы. Девочка ходила за ним по пятам, помогала готовить отвары, перевязывать, и я видела, как в её глазах появляется что-то новое

— интерес, гордость, вера в себя.

Седьмое — ремонт. Кровельщик, который чинил восточное крыло, вернулся и осмотрел западное. Он сказал, что крыша над швейной прохудилась в двух местах, и что нужно менять черепицу. Это стоило двенадцать марок — вместе с материалом и работой. Джек заплатил, и кровельщик начал в тот же день. Через три дня крыша была готова, и швеи перестали жаловаться на капель.

Восьмое — жалованье. Эста выдала всем — и старым, и новым — деньги за месяц. Она подняла оклад тем, кто работал давно, и установила одинаковый для всех — без деления на «своих» и «пришлых». Люди были довольны. Я видела, как они пересчитывают монеты, как улыбаются, как благодарят. Это было важно — не просто дать работу, но и заплатить за неё. Чтобы никто не чувствовал себя обязанным. Чтобы все знали: их труд ценят.

И последнее — неприкосновенный запас. Сорок марок я велела положить в сундук и не трогать. На случай болезни, неурожая, пожара. На случай, если что-то случится. Эста заперла сундук на ключ и сказала, что будет проверять его каждую неделю. Я кивнула. Это было спокойствие. Это была уверенность в завтрашнем дне.

К концу недели деньги закончились — почти все. Осталось несколько марок на мелкие расходы. Но всё, что нужно, было куплено. Кладовые полны. Мастерские работают. Люди сыты. Крыша починена. Новые переписчицы спят на но-

вых кроватях. Лекарь получил ученицу. Скорняки — кожу. Швеи — ткани. Художницы — краски. Всё было закрыто. Всё было сделано.

Я сидела в маленькой гостиной вечером последнего дня и смотрела на список, который Джек и Эста составили. Все пункты были вычеркнуты. Все нужды закрыты. Денег не осталось — но это было правильно. Деньги должны работать, а не лежать. И они работали. В замке стало теплее, сытнее, надёжнее. Люди стали спокойнее. И я, глядя на этот список, чувствовала, как в груди разливается тихое удовлетворение. Мы справились. Мы сделали всё, что нужно. И теперь можно было жить дальше — работать, строить, расти. До следующей зимы. До следующего лета. До следующего шага.

Глава 2

Заказы пришли в конце недели — сразу несколько, и все с предоплатой. Первое письмо принёс магический вестник от господина Крамера, торговца писчими принадлежностями. Он писал, что показал нашу книгу о богах одному из жрецов храма Сайры в городе, и жрец заинтересовался. «Он хочет заказать копию для храмовой библиотеки. С иллюстрациями, с золотом. Готов заплатить вперёд — сорок марок. Если вы согласны, он приедет посмотреть на вашу мастерскую».

Я перечитала письмо дважды. Сорок марок за одну книгу. Это было больше, чем мы получали за месяц работы. Я велела Лизбет написать ответ — согласие, — и отправила его в тот же день.

Второе письмо пришло от найры Фогель. Она писала, что её подруга, та самая найра Ирма фон Даль, хочет заказать портрет племянницы — Катарины. «Она видела, как вы работаете, и хочет, чтобы портрет написал кто-то из ваших художниц. Готова заплатить двадцать марок вперёд, остальное — по завершении». Я улыбнулась. Катарина — та, что приехала первой, высокая и некрасивая, — ещё не знала, что её тётя заказала её портрет. Это будет сюрприз. Хороший.

Третье письмо — от бургомистра. Сухое, официальное, но с явным интересом: «Госпожа, я хочу заказать ещё одну книгу — сборник городских законов, для ратуши. С иллю-

страциями. Цена — по вашему усмотрению. Предоплата — половина». Джек, прочитав это, присвистнул. Городские законы — это большая работа, но и деньги хорошие. Мы согласились.

Четвёртое — от графини Лоры. Она писала, что хочет заказать портрет себя — «для бала, чтобы все видели, какая я красивая», — и ещё один, в подарок подруге. «Плачу вперёд, не торгуясь. Только пусть Иоланта напишет. Она лучшая». Иоланта, прочитав это, покраснела и опустила глаза. Но я видела, что она довольна.

К концу недели у нас было четыре крупных заказа с предоплатой — почти сто марок. Это было больше, чем мы зарабатывали за всю зиму. Джек сидел над книгой учёта и считал, считал, считал. Потом поднял голову и сказал:

— Госпожа, у нас есть деньги. Не просто на жизнь — на развитие. Я хочу предложить вам одно дело.

— Говори.

Он помолчал, словно собираясь с мыслями.

— Мельница. Своя мельница. Сейчас мы возим зерно на мельницу в деревне — платим за помол, ждём очереди, зависим от чужого графика. Если мы построим свою, мы будем молотить сами. Это и экономия, и доход: мы сможем молотить для себя и для других, брать плату. И мука будет всегда свежая. И не нужно будет ждать.

Я задумалась. Мельница — это было серьёзно. Не просто постройка — нужны были жернова, механизмы, вода или ве-

тер. Но у нас была река — та самая, что текла за дальним полем. И место — старое, где когда-то стояла мельница, ещё при прежних хозяевах. Я видела развалины — фундамент, часть стены, заросший пруд.

— Сколько это будет стоить? — спросила я.

Джек заглянул в записи.

— Если строить с умом — не с нуля, а на старом фундаменте, — около ста марок. Жернова — самые дорогие. Их нужно заказывать у мастера в городе. Остальное — дерево, камень, работа — можно сделать своими руками. У нас есть люди. Есть плотники. Есть кузнец. Есть время до зимы.

Я слушала и думала. Сто марок. У нас было около семидесяти свободных — после всех трат. Но заказы с предоплатой давали ещё сто. Итого — хватало. И даже оставалось.

— Хорошо, — сказала я. — Строим мельницу. Но не торопясь. Сначала — жернова. Потом — стены. Потом — механизм. До зимы должно быть готово. Если не успеем — закончим весной. Но начать нужно сейчас.

Джек кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то — удовлетворение. Он давно хотел это предложить, я поняла. Просто ждал момента.

— Я найду мастера по жерновам, — сказал он. — И плотников. И кузнеца. Всё будет сделано.

Он вышел, а я осталась сидеть в кресле. За окном светило солнце, и в замке было тихо. Где-то в восточном крыле переписчицы работали над новыми заказами. Где-то в западном

швей шили. Где-то в художественной пахло красками. Всё двигалось. Всё росло. И теперь у нас будет мельница. Своя. Настоящая.

Я взяла чашку с чаем и сделала глоток. Чай был горячий, с мятой. За окном капало. Весна шла. И впереди было лето — с мельницей, с урожаем, с новыми заказами.

Глава 3

Мысль о колодцах пришла не мне — её подала найра Эста, и я сразу поняла, что она права. Мы сидели в маленькой гостиной, обсуждая мельницу, когда она вдруг сказала:

— Госпожа, раз уж мы взялись за дела, я хочу сказать о другом. О колодцах в деревнях. Я слышала от женщин, которые к нам приходят, что вода во многих колодцах плохая. Прошлой зимой многие болели — не только здесь, но и в деревнях. Лекарь говорит, что это может быть от воды. Колодцы не чистили годами. Дно заилилось, стенки обросли, туда попадает всякая грязь. Если почистить, люди будут меньше болеть.

Я задумалась. Это было не про нас — про деревни. Но деревни были рядом, и люди оттуда приходили к нам работать. Если они болели, то и до нас доходило. И потом — это было правильно. Просто правильно.

— Сколько колодцев? — спросила я.

Эста заглянула в папку.

— В трёх деревнях, откуда пришли наши работники, — шесть колодцев. Два в Вересковой, два в Дубках, два в Ольшанике. Ещё есть колодец на хуторе у старого Мельника, но он сам справляется. Я думаю — шесть.

— Что нужно, чтобы их почистить?

— Люди, — сказала Эста. — Вёдра, верёвки, лестницы.

И время. Один колодец чистить — день, может, два. Если взяться всем миром — за неделю управимся. Наши работники могут помочь — те, что из этих деревень. Они знают, где что. И им самим будет польза.

Я кивнула. Это было разумно. И недорого — по сравнению с мельницей. Люди, верёвки, вёдра. Может быть, немного денег на материалы, если понадобится. Но главное — это была не трата, а вложение. В здоровье. В людей. В то, чтобы они знали: о них думают.

— Хорошо, — сказала я. — Займитесь этим. Поговорите с Джеком — пусть выделит людей. Тех, кто из этих деревень, — в первую очередь. И ещё — скажите лекарю, пусть посмотрит воду. Если где-то плохая, может, нужно что-то добавить. Или просто почистить.

Эста кивнула и сделала пометку.

— И ещё, госпожа, — добавила она. — Женщины говорили, что в некоторых колодцах вода уходит. Летом может совсем пересохнуть. Если чистить — надо и дно углубить. Может, найти новый ключ. Это сложнее, но возможно.

— Если возможно — сделаем, — сказала я. — Колодец без воды — это не колодец. Пусть будет вода.

Эста вышла. Я осталась сидеть в кресле. За окном светило солнце, и в замке было тихо. Мельница, колодцы. Всё это было не про нас — но и про нас тоже. Потому что мы были частью этого края. Потому что люди, которые работали в замке, жили в деревнях. Потому что здоровье, вода, хлеб —

это было общее. И если мы могли помочь — мы помогали.

Я позвала Джека. Он пришёл через минуту — с книгой учёта, как всегда.

— Джек, — сказала я. — Ты знаешь колодцы в Вересковой, Дубках и Ольшанике?

Он кивнул.

— Знаю. Плохие. Я сам пил из них прошлой осенью — вода мутная, с запахом. Думал, что это временно. Но, видимо, нет.

— Нужно почистить. Шесть колодцев. Выдели людей — тех, кто оттуда. Пусть возьмут вёдра, верёвки, лестницы. И ещё — может, кого-то из наших. Кузнец может сделать новые цепи, если старые порвались. Плотник — новые срубы, если надо. Займитесь этим на следующей неделе. Пока мельница не началась — успеем.

Джек кивнул и записал.

— Сделаем, госпожа. И ещё — я бы послал кого-то в город за известью. Если колодцы чистить, стенки надо обработать. Иначе быстро зарастут снова.

— Хорошо. Возьми из общих денег. Сколько нужно.

Он кивнул и вышел. Я осталась одна. За окном шёл тихий весенний дождь. В замке было тепло. И где-то там, в деревнях, люди ждали — не знали ещё, что мы придём. Но мы придём. Почистим колодцы. Углубим дно. Сделаем воду чистой. Потому что это было правильно. И потому что так мы становились не просто замком, а частью этого края. Не гос-

подами — соседями.

Глава 4

Портал открылся прямо в холле — без предупреждения, без стука, без скрипа дверей. Просто воздух в центре комнаты задрожал, потемнел, и из ниоткуда возник овал — высокий, в два человеческих роста, с серебристой кромкой, которая мерцала и переливалась, как вода под луной. Я как раз шла из гостиной в столовую и остановилась, застыв на месте. Портал. Настоящий. Я слышала о таких, но видеть доводилось впервые.

Из овала шагнула женщина. Высокая — выше меня на полголовы, — с тёмными волосами, уложенными в сложную причёску, и лицом, которое я бы назвала породистым: тонкий нос, высокие скулы, чуть надменные губы. Платье на ней было цвета спелой вишни, из плотного шёлка, с длинными рукавами и глубоким, но не вульгарным вырезом. На шее — жемчужное ожерелье в три нити, на пальцах — кольца с камнями, которые тускло блестели при свечах. Она огляделась — быстро, цепко, — и её взгляд на мгновение задержался на портретах в холле, на лестнице, на гобеленах. Она не удивилась. Она оценивала.

Вторая вышла следом — чуть ниже, светловолосая, с волосами, убранными в гладкий пучок, и лицом мягче, но не менее уверенным. Платье — тёмно-синий шёлк, струящийся, с серебряной вышивкой по подолу. Серьги — бриллиан-

товые, крупные, сверкали так, что я видела их блеск даже с другого конца холла. В руках она держала маленький ридикуль из серебристой парчи и обмахивалась веером — не потому, что было жарко, а потому, что это был особый жест.

— Найра Виктория? — спросила первая. Голос низкий, уверенный, с лёгкой хрипотцой. — Я — баронесса Элеонора фон Морн. Это — графиня Аделаида фон Штайн. Мы слышаны о ваших мастерских. Нам нужно то, чего нет ни у кого. Мы едем на бал к императору через месяц. И мы хотим поразить всех.

Я чуть склонила голову.

— Добро пожаловать. Прошу, проходите. Я сама провожу вас.

Баронесса кивнула — коротко, как равной, — и шагнула вперёд. Графиня последовала за ней, и я заметила, как она идёт: не спеша, плавно, чуть покачивая бёдрами, но без вульгарности. Каждый шаг был выверен. Каждый жест — отработан. Это были женщины, которые знали, что на них смотрят, и умели этим пользоваться.

Мы пошли в западное крыло. Я — впереди, они — чуть позади. Баронесса шла быстро, деловито, оглядываясь по сторонам: на окна, на двери, на людей, которые попадались навстречу. Графиня — медленнее, разглядывая картины на стенах, гобелены, свечи в канделябрах. Я слышала, как она тихо сказала баронессе:

— Провинция, но со вкусом.

Баронесса ответила:

— Я же говорила.

В швейной мастерской нас встретила найра Марта — с иглой в руках, в фартуке, но с той особой осанкой, которая сразу выдавала в ней мастера. Баронесса оглядела комнату: столы, разложенные ткани, манекены, готовые платья на вешалках. Её взгляд задержался на платье, которое висело в углу — тёмно-синем, с золотой вышивкой по вороту. Том самом, которое мы шили для графини Лоры.

— Это то самое? — спросила баронесса, подходя ближе.

— Да, — сказала Марта. — Графиня Лора забрала своё, но мы оставили образец. Чтобы помнить.

Баронесса провела пальцами по вышивке — медленно, почти нежно.

— Хорошая работа. Плотная. Ровная. Не столичная — лучше. В столице все торопятся. А здесь... — она помолчала, — здесь чувствуется рука.

Графиня Аделаида тем временем уже перебирала ткани на столе — лён, шерсть, шёлк. Она брала их в руки, мяла, отпускала, снова брала. Потом повернулась к Марте:

— Мне нужно платье. К балу. Что-то, чего нет ни у кого. Я видела платье баронессы — оно было... — она запнулась, подбирая слово, — вызывающим. Я хочу не вызывающее. Я хочу изысканное. Чтобы все смотрели и не могли понять, в чём секрет.

Марта кивнула и начала задавать вопросы — о фасоне,

о цвете, о тканях. Она не суетилась, не заискивала. Просто работала. И дамы это оценили, я видела по их лицам.

Потом мы пошли к скорнякам. Бран и Торн работали — Тим сидел рядом, что-то мастерил из обрезков. Увидев дам, он вскочил и поклонился — неуклюже, но старательно. Баронесса улыбнулась ему — коротко, но тепло, — и повернулась к столу, на котором лежали готовые изделия. Сумки, ремни, перчатки, кошель, футляры. Всё из мягкой, хорошо выделанной кожи.

— Это всё ваше? — спросила она, беря в руки сумку из оленьей кожи с тиснением.

Она повертела её, открыла, закрыла, провела пальцем по шву.

— Да, госпожа, — сказал Бран. — Мы сами выделяем. Всё ручная работа.

Графиня Аделаида уже перебирала перчатки — тонкие, с меховой опушкой. Она надела одну, посмотрела на руку, сняла, взяла другую. Потом выбрала ремень с серебряной пряжкой, кошель с вышивкой, ещё одну сумку — поменьше, для бала. Баронесса отложила свою сумку и добавила к ней футляр для ножей и ремень. Они сложили всё в кучу и спросили цену. Бран назвал сумму — скромную. Баронесса рассмеелась — искренне, не обидно.

— Милый, это слишком дёшево. Ты не знаешь, сколько это стоит в столице. Я заплачу больше.

Она отсчитала двадцать марок золотом. Бран растерянно

посмотрел на меня. Я кивнула. Он взял.

Потом мы пошли в восточное крыло. Художницы работали — Иоланта у мольберта, Катарина с кистью, Бланка с палитрой, Мирта, Софи, Агнес. На стенах висели картины — новые, заказные, ещё не отданные. Дамы остановились перед портретом, который Иоланта писала для графини Лоры. Баронесса долго смотрела на него, не говоря ни слова. Потом повернулась ко мне:

— Кто это написал?

— Иоланта, — сказала я, указывая на неё. — Она наша старшая художница.

Баронесса подошла к Иоланте. Иоланта выпрямилась — спокойно, без вызова. Она была выше баронессы, но держалась так, что это не казалось неловким.

— Вы писали это? — спросила баронесса.

— Да.

— У вас хорошая рука. И глаз. Вы видите то, что другие не видят.

Иоланта чуть склонила голову.

— Благодарю.

Баронесса заказала два портрета — себя и дочери. Графиня — свой и матери. Они оставили двадцать марок вперёд.

Потом мы зашли в скрипторий. Лизбет, Амалия, Клара, Адели и новые девушки — Катарина, Марта, Агнесса, Эльза — работали. На столе лежала книга о богах — та, что заказал жрец. Дамы подошли, посмотрели. Баронесса перелиста-

ла страницы — осторожно, как святыню. Потом посмотрела на меня.

— Я хочу такую же. Для своей библиотеки. Молитвенник. С иллюстрациями.

Я назвала цену. Она кивнула, не торгуясь, и отсчитала ещё двадцать марок вперёд.

Потом они обвели взглядом всё, что видели, и баронесса сказала:

— Найра Виктория, мы оставим вам ещё немного. На развитие. Мы хотим, чтобы вы процветали.

Она достала кошелёк — тяжёлый, из тёмной кожи, — и отсчитала ещё сорок марок золотом. Монеты ложились на стол одна за другой, и их звон был единственным звуком в тишине. Сто золотых марок. Я смотрела на них и не верила.

— Благодарю, — сказала я, и голос мой дрогнул. — Это... это очень щедро.

Баронесса улыбнулась.

— Это не щедрость. Это вложение. Вы делаете то, чего нет нигде. И мы хотим, чтобы вы продолжали. Через месяц мы вернёмся за платьями и портретами. А пока — работайте.

Они ушли так же, как пришли, — через портал, вспышка серебристого света, и овал закрылся. Я осталась стоять в холле с монетами в руках. Сто золотых марок. Я смотрела на них и думала о том, что теперь всё изменится.

Глава 5

Я стояла в холле с монетами в руках, чувствуя, как золото оттягивает ладони. Сто марок — это было не просто богатство. Это была ответственность. Я знала, что если потратить их бездумно, они уйдут так же быстро, как пришли. Нужно было вложить их с умом. Я позвала Джека и найру Эсту — голосом, который, наверное, прозвучал громче обычного, потому что Элиза, проходившая мимо, вздрогнула.

Они пришли через несколько минут — Джек с книгой учёта, Эста с папкой. Я провела их в маленькую гостиную, закрыла дверь и высыпала монеты на стол. Золото блеснуло в свете свечей, и я увидела, как у обоих перехватило дыхание. Джек смотрел на монеты, потом на меня — молча, не веря. Эста — на монеты, потом на меня, потом снова на монеты.

— Это от дам из столицы, — сказала я. — Баронесса фон Морн и графиня фон Штайн. Они заказали платья, портреты, книгу. И оставили это — на развитие. Сто золотых марок.

Джек медленно выдохнул. Эста прижала руку к груди.

— Госпожа... — начала она, но я перебила.

— Слушайте меня. Это не на жизнь. Это на то, чтобы жить лучше. Мы не будем разбрасываться. Но и в сундук всё прятать не станем. Мы вложим. Понятно?

Они кивнули. Я взяла монеты и разделила их на несколько

кучек — примерно, на глаз. Потом заговорила, глядя то на Джека, то на Эсту.

— Джек. Мельница. Ты хотел построить — вот деньги. Жернова, материалы, работа. Возьми пятьдесят марок. Де-лай. Но не торопись. Сначала — жернова. Потом — стены. Потом — всё остальное. К зиме должно быть готово. Если не успеем — закончим весной. Но начни сейчас.

Джек кивнул и взял свою кучку. Я видела, как его пальцы дрожат — но не от жадности, а от волнения.

— Колодцы, — продолжила я. — Те, что в деревнях. Ты знаешь. Возьми двадцать марок. Люди, верёвки, известь. Если нужно — наёмные работники. Сделай так, чтобы к лету вода была чистой. Это важно. Не для нас — для них. Но и для нас тоже. Потому что больные люди — это плохо. Для всех.

Джек записал. Я повернулась к Эсте.

— Найра Эста. Мебель. Вы говорили, что в комнатах для новых переписчиц всё готово — кровати, столы, полки. Но у нас есть ещё главный корпус. Гостиная, холл, столовая. Там всё старое. Я не хочу, чтобы, когда приезжают такие гости, как сегодня, они видели обшарпанные стулья и шатающиеся столы. Это не про роскошь. Это про то, что мы не бедные. Что мы живём достойно.

Эста кивнула.

— Что именно обновить, госпожа?

— Гостиная, — сказала я. — Большая гостиная, где мы

принимаем гостей. Кресла, диваны, столы. Стулья — чтобы не скрипели, не шатались. Шторы — чтобы не выцвели. Ковры — чтобы не стёрлись. Холл — то же самое. Скамьи, светильники, канделябры. Столовая — стол, стулья, буфет. Всё, что обветшало. Всё, что выглядит бедно.

Я помолчала, потом добавила:

— И ещё — свечи. Восковые, хорошие. Не сальные. Я хочу, чтобы в замке пахло воском и мёдом, а не дымом. И ска-терти, и посуда — серебро, фарфор. Всё, что есть лучшего. Чтобы когда приезжают такие дамы, как сегодня, они видели не провинциальный замок, а дом, в котором живут с достоинством.

Эста записывала, кивая. Я видела, что она понимает. Она всегда понимала.

— На это — двадцать марок, — сказала я. — Может, больше, если найдёте что-то особенное. Но не переплачивайте. Ищите мастеров, которые делают хорошо, но не дерут втридорога. У нас есть время — до конца весны. Успеете?

— Успеем, госпожа, — сказала Эста. — Столяр в городе, который делает кровати, — он и мебель может. Я с ним поговорю. И с ткачами — насчёт штор и ковров. И с торговцем посудой. Всё будет сделано.

Я кивнула и отодвинула оставшиеся монеты — их было около десяти.

— Это — в неприкосновенный запас. На случай, если что-то случится. Не трогать без моего ведома.

Джек и Эста кивнули. Они встали, забрали свои кучки, и вышли — каждый со своим списком, со своими задачами. Я осталась одна в гостиной. Монеты — те, что остались, — лежали на столе, тускло поблёскивая. Я смотрела на них и думала о том, что теперь всё изменится. Не сразу — постепенно. Мельница, колодцы, мебель. Всё это было не про роскошь. Это было про то, чтобы жить. Хорошо. Достойно. И чтобы другие — те, кто приезжает, те, кто работает, те, кто приходит за помощью, — видели, что здесь можно жить. Что здесь не бедно. Что здесь есть будущее.

Я встала и подошла к окну. За ним светило солнце — весеннее, тёплое. В замке было тихо. Где-то внизу стучали молотки — слуги что-то чинили. Где-то наверху скрипели перья — переписчицы работали. Всё двигалось. Всё росло. И теперь у нас были деньги, чтобы это движение не останавливалось.

Я улыбнулась и вернулась в кресло. Впереди был день. Много дней. И все они были полны дел.

Глава 6

Мысль о карете пришла ко мне на следующее утро — после того, как я вчера весь день наблюдала, как дамы из столицы ходят по замку, как они смотрят, как оценивают. Всё было хорошо: платья, портреты, кожа, книга. Но когда они уходили через портал, я поймала себя на том, что думаю не о заказах, а о дворе. О том, что стоит у крыльца. Точнее — чего не стоит.

У нас не было кареты. Ни одной. Только сани — зимой, телеги — летом. Для провинции это было нормально. Но если к нам будут приезжать такие дамы — а они будут, — то встречать их телегой или санями было... не то. Не потому, что я хотела выглядеть богаче, чем есть. А потому, что я хотела выглядеть достойно. Показать, что замок — это не просто место, куда можно заехать по дороге. Это дом. Уважаемый дом. Куда приезжают и откуда уезжают с комфортом.

Я позвала Джека. Он пришёл быстро — с книгой учёта, как всегда, но на этот раз я видела, что он удивлён. Я редко звала его просто так, без конкретного дела.

— Джек, — начала я, — я хочу поговорить о карете.

Он чуть поднял бровь.

— О карете, госпожа?

— Да. У нас нет ни одной. Гости приезжают в своих. А мы — встречаем их на телегах или санях. Это нехорошо. Не для

нас — для них. Если к нам едут такие люди, как баронесса фон Морн, они должны видеть, что мы не бедные. Что у нас есть всё необходимое. И что мы можем сами приехать к ним — не на телеге, а в приличном экипаже.

Джек кивнул — медленно, обдумывая.

— Это разумно, госпожа. Но карета — это дорого. Хорошая карета — от тридцати марок. Плюс лошади — пара — ещё двадцать-тридцать. Плюс упряжь, плюс содержание. Это не мельница. Это... роскошь.

— Не роскошь, — сказала я. — Необходимость. Если мы хотим, чтобы к нам ехали заказчики из столицы, мы должны выглядеть соответственно. И потом — у нас теперь есть деньги. Не на всё сразу, но на карету хватит. Я не говорю о золотой карете с гербами. Я говорю о крепком, хорошем экипаже. Чтобы не стыдно было.

Джек задумался. Он смотрел в книгу учёта, потом на меня, потом снова в книгу.

— Госпожа, если считать по самым скромным ценам — карета, пара лошадей, упряжь — это около пятидесяти марок. У нас есть свободные деньги, но если мы потратим их на карету, мы не сможем сразу сделать всё остальное. Мельница, колодцы, мебель — это тоже важно.

— Я знаю, — сказала я. — Поэтому давай так. Сначала — мельница и колодцы. Они важнее. Но как только они будут сделаны — займёмся каретой. К лету. Чтобы к следующему приезду столичных гостей у нас было на чём их встретить.

Джек кивнул и записал.

— Хорошо, госпожа. Я найду каретника в городе. Есть один — старый мастер, делает крепкие экипажи, без лишней роскоши, но надёжные. И лошадей — у торговца на ярмарке. Если хотите, я могу присмотреть.

— Присмотри, — сказала я. — Только не торопись. Выбери хороших. Не самых дорогих, но крепких. Чтобы не хромали, не болели. И упряжь — простую, но прочную. Без золота. Серебро — можно. Но без излишеств.

Джек кивнул и встал.

— Я займусь, госпожа. Но это не быстро. Каретник делает экипаж месяц, может, полтора. Лошади — если покупать, нужно смотреть, пробовать. Я бы не спешил.

— Не спеши, — согласилась я. — Время есть. До осени.

Он вышел. Я осталась сидеть в кресле. За окном светило солнце, и в замке было тихо. Я думала о карете. О том, как она будет стоять у крыльца — тёмная, лакированная, с мягкими сиденьями и стеклянными окнами. О лошадях — гнедых или вороных, с блестящей шерстью и заплетёнными гривами. О том, как я буду выезжать в город — не на телеге, а в экипаже. И как люди будут смотреть и думать: «Это из замка. Это найра Виктория».

Я улыбнулась. Это была не гордыня. Это было достоинство. То самое, которое я училась обретать два года. Не для того, чтобы возвыситься над другими, а для того, чтобы не быть ниже. Чтобы стоять наравне. Чтобы мой замок — мой

дом — выглядел так, как он того заслуживал.

Через неделю Джек пришёл ко мне с новостями — и по его лицу я поняла, что новости хорошие. Он даже не сел, хотя я жестом предложила ему кресло. Просто стоял и говорил, и в голосе его было что-то, чего я давно не слышала, — азарт.

— Госпожа, я нашёл лошадей. Двух. У заводчика, который держит конюшню в трёх днях пути отсюда. Говорят, он лучший в империи — его лошадей покупают для императорской конюшни. Но у него есть два жеребца, которых он продаёт дёшево. Из-за брака.

— Какого брака? — спросила я.

— Окрас, — сказал Джек, и в его голосе послышалась усмешка. — Он разводит только вороных. А эти двое — гнедые. Светло-гнедые, с рыжиной. Для него это брак. Он не может их продать как породистых — покупатели хотят вороных. А держать их просто так не хочет. Поэтому продаёт по дешёвке. Двадцать марок за обоих. С упряжью — двадцать пять.

Я задумалась. Двадцать марок за двух лошадей, которые в нормальной ситуации стоили бы пятьдесят, а то и больше. Это было почти чудо.

— Они здоровые? — спросила я. — Не хромые, не больные?

— Здоровые, — сказал Джек. — Я видел их сам. Крепкие, молодые — трёх и четырёх лет. Спины прямые, ноги хорошие. Я пробовал их в седле — идут ровно, слушаются. Если

бы не окрас, их бы уже купили. Но заводчик упёрся: вороные или ничего. А эти — гнедые. С рыжиной.

Я улыбнулась. Окрас. Мне было всё равно, какого цвета лошади. Мне нужны были крепкие, здоровые, надёжные. Чтобы возить карету, чтобы не хромали, чтобы не болели. А гнедые, вороные, рыжие — какая разница? Я не собиралась выставлять их на выставку. Я собиралась ездить на них.

— Покупай, — сказала я. — Двадцать пять марок — с упряжью. Бери.

Джек кивнул, но не ушёл.

— Госпожа, я бы хотел поехать сам. Посмотреть ещё раз, выбрать. Заводчик сказал, что если мы приедем до конца недели, он придержит их для нас. Если нет — продаст другим. Желаящие есть, даже с браком.

— Поезжай, — сказала я. — Возьми с собой Брана — он разбирается в животных, у него глаз хороший. И мальчика-конюха, который будет за ними ухаживать. Заночуйте там, если нужно. Но привезите их. Я хочу видеть их в своей конюшне.

Джек вышел. Я слышала, как он отдаёт распоряжения во дворе — голос его звучал громко и чётко. Через час он уехал — на санях, потому что дороги ещё не просохли окончательно, — с Браном и молодым конюхом по имени Ганс. Я стояла на крыльце и смотрела, как они исчезают за поворотом. Три дня пути. Значит, через неделю они вернутся. С лошадьми.

Глава 7

Пока Джека не было, я решила заняться делами, которые всё равно требовали внимания. Утро началось с того, что я спустилась в маленькую гостиную, велела подать чай и попросила найру Эсту принести все списки — заказов, готовых работ, запасов. Она пришла через несколько минут, с папкой, которая, казалось, стала ещё толще, чем обычно.

— Начнём с заказов, — сказала я, разворачивая свой список. — Что готово, что нет?

Эста раскрыла папку и начала читать — ровно, по порядку, как всегда.

— Портрет для найры Фогель — готов. Иоланта закончила вчера. Он сохнет, но к концу недели можно отдавать.

Я кивнула. Этот портрет висел в мастерской уже месяц, и я видела, как Иоланта работает над ним — медленно, тщательно, выписывая каждую деталь. Хорошо, что готов.

— Зимний лес для бургомистра — почти готов. Катари́на закончила основную часть, осталось несколько штрихов. Она обещала закончить к пятнице.

Я сделала пометку в уме. Бургомистр ждал эту картину с зимы, и я не хотела его разочаровывать.

— Весенний пейзаж для сестёр Вайс — готов. Бланка закончила ещё на прошлой неделе. Он стоит в мастерской, ждёт, когда за ним приедут.

— Натюрморт для Шульца — почти готов. Мирта работает. Она говорит, что осталось написать фон — и всё.

— Картина с птицами для Кригера готова. Софи закончила. Она очень старалась, и я думаю, ей удалось.

— Пейзаж Агнес — готов. Она сама его закончила, без заказа, и он получился очень хорошим. Я бы оставила его в замке, но она хочет продать.

Я кивнула. Агнес — та самая тихая девушка, которая приехала одной из последних. Она рисовала что-то своё, странное, но красивое. Я не мешала.

— Портреты для баронессы и графини — в работе. Иоланта начала портрет баронессы, Катарина — графини. Они просили месяц. Думаю, успеют.

— Книга для жреца — в работе. Лизбет и девочки закончили вторую главу, начали третью. Иоланта рисует буквы. Работа идёт хорошо, но это долго. Жрец сказал, что подождёт.

— Молитвенник для баронессы — начали вчера. Лизбет составляет план, Амалия готовит пергамент. Это будет долго, но мы успеем к сроку.

— Сборник законов для бургомистра — ещё не начали. Ждём, когда освободятся переписчицы. Я думаю, через две недели.

Я кивала и делала пометки. Всё шло своим чередом. Ничего не горело. Ничего не срывалось.

— Теперь шкуры, — сказала я. — Сколько охотники при-

несли на продажу?

Эста заглянула в другую часть папки.

— За последние две недели — много. Лисьих — двенадцать. Куньих — восемь. Заячьих — двадцать три. Оленьих — четыре. Кабаньих — три. Волчьих — две. И ещё — несколько беличьих, но они дешёвые, Бран сказал, что возмёт их только на подкладку.

— Что уже продано?

— Лисьи и куньи — половину продали в городе. Остальные лежат у Брана — он выделявает. Заячьи — почти все ушли на подкладки и рукавицы. Оленьи — две продали, две ещё в работе. Кабаньи — все у Брана, он делает подошвы и сумки. Волчьи — не продавали, Бран говорит, что из них выйдут хорошие плащи, но это долго.

— Сколько мы выручили за шкуры?

Эста посчитала.

— Около двадцати марок. Может, чуть больше. Если продать оставшиеся — ещё десять.

Я кивнула. Шкуры давали немного, но стабильно. Охотники приносили их каждую неделю, и Бран с Торном успевали выделявать. Это был хороший источник дохода — не такой, как заказы, но надёжный.

— Что с кожей? — спросила я. — Бран говорил, что запасы тают.

— Тают, — подтвердила Эста. — Но он сказал, что до конца весны хватит. Охотники обещали принести ещё. И ещё

— он просил передать, что если мы хотим делать пергамент сами, нужно больше заячьих шкур. Они дешёвые, и из них получается хороший пергамент для тренировок.

— Скажите ему, пусть берёт все заячьи, какие принесут, — сказала я. — И пусть учит Тима. Мальчик способный. Может, вырастет в хорошего мастера.

Эста кивнула и записала. Потом закрыла папку и посмотрела на меня.

— Госпожа, ещё одно. Кухня просит денег на специи. Перец, гвоздика, корица — всё кончилось. И ещё — вино. Для гостей. Если приедут такие, как баронесса, нужно хорошее вино.

Я задумалась.

— Сколько нужно?

— На специи — пять марок. На вино — десять, если брать хорошее. Но можно и меньше, если не для всех.

— Возьмите пятнадцать, — сказала я. — Специи — обязательно. Вино — хорошее, но не самое дорогое. У нас не императорский дворец. Но и не трактир.

Эста кивнула и вышла. Я осталась одна с чашкой чая. За окном светило солнце, и в замке было тихо. Где-то внизу стучали молотки — слуги что-то чинили. Где-то наверху скрипели перья — переписчицы работали. Всё двигалось. Всё шло своим чередом.

Я взяла список и перечитала его. Портреты, книги, шкуры, специи, вино. Всё было под контролем. Джек вернётся

через несколько дней — с лошадьми. Каретник начнёт работу над экипажем. Мельница будет построена к осени. Колодцы почистят к лету. Всё будет сделано. Я знала это. И, глядя на список, чувствовала, как в груди разливается тихое, спокойное удовлетворение. Всё шло хорошо. Даже без Джека.

Глава 8

Графиня Лора появилась через три недели после того, как мы получили деньги от столичных дам. Я сидела в маленькой гостиной и разбирала письма, когда во двор въехала знакомая карета — тёмно-зелёная, с золочёным гербом. Следом — ещё две, попроще. Я выглянула в окно и увидела, как графиня выходит первой, а за ней — две женщины, которых я видела на дне рождения: найра Ирма фон Даль и найра София Кранц. Все три — в лёгких весенних платьях, без шуб, с зонтами. Небо хмурилось, но дождя ещё не было.

Я вышла встречать гостей. Графиня уже поднималась по ступеням, весело улыбаясь.

— Найра Виктория! Простите, что без предупреждения. Мы ехали из имения Ирмы и решили заглянуть на чай. Вы не против?

— Конечно, нет, — сказала я. — Прошу, проходите. Сейчас распоряжусь насчёт чая.

Мы прошли в большую гостиную — ту самую, где за последние три недели мы успели обновить мебель. Новые кресла — тёмное дерево, мягкие сиденья, обитые зелёным сукном. Новые шторы — плотные, тёмно-синие, с золотой нитью. Новый ковёр — толстый, с узором. Свечи в новых канделябрах — серебряных, не потускневших. Всё это было сделано на деньги, которые оставили столичные дамы, и я виде-

ла, что графиня оценила перемену.

Она огляделась и одобрительно кивнула.

— Вижу, вы обставились. Хорошо. Уютно. Не то что в прошлый раз — тогда было мило, но бедновато. А теперь — достойно.

Я улыбнулась. Мебель действительно была хороша — столяр постарался, и Эста проследила, чтобы всё было расставлено с умом.

Слуги подали чай, пироги, печенье. Дамы сели, и разговор пошёл — о балах, о столице, о последних новостях. Графиня рассказывала о приёме у герцогини, найра Ирма — о своей племяннице Катарине, которая, оказывается, писала ей письма и хвалила замок. Найра София молчала, но улыбалась и пила чай.

А потом зарядил ливень. Не просто дождь — стена воды, которая обрушилась на замок так внезапно, что все вздрогнули. Ветер гнул деревья, стекло дрожало, и во дворе моментально образовались лужи. Графиня подошла к окну и покачала головой.

— В такую погоду я не поеду. Даже если бы хотела. Дороги развезёт.

— Оставайтесь, — сказала я. — У нас есть комнаты. Вас проводят, дадут всё, что нужно. Переждёте до утра.

Графиня обернулась и посмотрела на меня с благодарностью.

— Мы останемся. С удовольствием.

Я велела Эсте приготовить три комнаты — лучшие, на втором этаже, с видом на сад. Дамы поднялись отдохнуть с дороги, а я осталась в гостиной. Дождь шумел за окном, и в замке стало темно, несмотря на день. Слуги зажгли свечи, и в комнате стало уютно.

Через час дамы спустились — отдохнувшие, переодетые. Графиня сразу направилась ко мне.

— Найра Вкитория, раз уж мы здесь и у нас есть время, покажите нам, что у вас нового. Я слышала, у вас появились новые художницы, переписчицы, скорняки. Мы хотим посмотреть.

Я повела их по мастерским. Первыми — к скорнякам. Торн работал, Тим сидел рядом. Увидев дам, он вскочил и поклонился. Графиня улыбнулась ему и повернулась к столу с готовыми изделиями.

— О, это новое, — сказала она, беря в руки сумку из мягкой кожи с тиснением. — Красиво. Сколько?

Торн назвал цену. Графиня кивнула и отложила сумку в сторону — «беру». Найра Ирма выбрала ремень и кошель. Найра София — перчатки и футляр для ножей. Они сложили всё в кучу и заплатили, не торгуясь.

Потом мы пошли к швеям. Марта показала новые платья — те, что шились для столичных дам. Графиня долго рассматривала вышивку, потом выбрала два платья — для себя и для подруги. Найра Ирма и найра София тоже выбрали — по одному.

Потом — к художницам. Иоланта, Катарина, Бланка, Мирта, Софи, Агнес — все работали. На стенах висели картины, которые ещё не были проданы. Графиня прошлась вдоль них, как по галерее, и остановилась перед пейзажем Агнес.

— Это кто написал?

— Агнес, — сказала я. — Она недавно у нас.

— Хорошо, — графиня смотрела долго. — Очень хорошо. Беру.

Потом она выбрала ещё две картины — пейзаж Бланки и натюрморт Мирты. Найра Ирма купила портрет — небольшой, поясной, — а найра София — миниатюру.

Последними были переписчицы. Лизбет показала книгу о богах — ту, что уже почти готова. Графиня перелистала её, ахнула и сказала:

— Я хочу такую. Для своей библиотеки. Молитвенник. С иллюстрациями. Сколько?

Я назвала цену. Графиня кивнула и заплатила вперёд.

К вечеру, когда дождь немного стих, дамы сидели в большой гостиной и пересматривали свои покупки. Сумки, ремни, перчатки, платья, картины, книга. Всё это лежало на столе, и графиня с довольным видом перебирала вещи.

— Найра Виктория, — сказала она, — вы не представляете, как нам повезло, что мы застряли. Мы скупили всё, что было свободным. Теперь у нас есть то, чего нет ни у кого. Мы будем блистать.

Я улыбнулась.

— Я рада, что вам понравилось.

— Понравилось? — графиня рассмеялась. — Это восторг! Я приеду ещё. И привезу других. У вас тут настоящий рай для тех, кто хочет чего-то особенного.

Она откинулась в кресле и посмотрела на огонь в камине. Дождь стучал по стеклу, и в замке было тепло. Я сидела напротив и думала о том, что этот неожиданный визит дал нам больше, чем можно было ожидать. Дамы скупил все, что было, — и оставили денег больше, чем мы заработали за месяц. И, что важнее, они расскажут другим. Слух пойдёт. И новые гости приедут. И новые заказы. И новые деньги. Всё шло своим чередом. Всё двигалось. И даже ливень был на пользу.

Графиня и её подруги остались на ночь. Ливень не утихал — он то стихал до мелкой мороси, то снова обрушивался стеной воды, и во дворе стояли лужи, через которые не рискнула бы проехать ни одна карета. К утру стало ясно, что дороги развезло основательно: глина, колеи, размытые мосты. Дамы остались на второй день, потом на третий — графиня говорила, что не хочет рисковать, но я видела, что ей просто нравится в замке. Она ходила по мастерским, разговаривала с девушками, заказывала ещё и ещё. Найра Ирма и найра София не отставали.

А Джек и Бран всё не возвращались. Я начала волноваться — не потому, что сомневалась в них, а потому, что пого-

да была страшная. На четвёртый день я послала верхового — узнать, что случилось. Он вернулся к вечеру с запиской от Джека. «Госпожа, мы живы, здоровы. Лошади куплены, стоят у заводчика. Дороги размыло, ехать нельзя — увязнем. Переждём здесь, пока подсохнет. Как только сможем — выедем. Джек».

Я выдохнула. Лошади куплены. Это было главное. А то, что они задержатся на неделю, — ничего. Переждут. Заводчик, судя по всему, человек порядочный — не выгонит, не обидит. И лошади под присмотром.

А дамы всё гостили. Графиня, кажется, всерьёз решила обосноваться — она попросила Эсту показать ей свободные комнаты, «на случай, если она захочет приехать на месяц». Эста показала. Графиня выбрала две — «для себя и для Ирмы». Я не возражала. Пусть приезжают. Они платили — щедро, не торгуясь, — и заказывали всё больше. И рассказывали. За три дня они отправили с вестником не меньше десяти писем — подругам, знакомым, родственницам. «Приезжайте в замок найры Виктории. Здесь есть всё. И даже больше».

На пятый день дождь наконец стих. Выглянуло солнце — робкое, но тёплое, — и дороги начали подсыхать. Графиня велела закладывать карету. Она уезжала, но не прощалась. «Я вернусь через месяц. С новыми заказами. И с новыми людьми. Ждите».

Она уехала. Найра Ирма и найра София — с ней. Двор

опустел. И в тот же вечер вернулись Джек и Бран — усталые, грязные, но довольные. С ними — два гнедых жеребца, светло-рыжих, с тёмными гривами. Лошади были красивые — я увидела это сразу. Крепкие, молодые, с умными глазами. Они стояли в конюшне, жевали сено и косили на меня с любопытством.

Джек подошёл ко мне, вытирая руки о штаны.

— Госпожа, простите, что задержались. Дороги размыло. Мы три дня сидели у заводчика — он нас кормил, поил, не выгонял. Лошади хорошие. Я пробовал их в седле — идут ровно, слушаются. Бран смотрел зубы, ноги — всё в порядке. Здоровые.

Я кивнула и подошла к лошадям. Они были тёплые, живые, настоящие. Я провела рукой по шее одного — он фыркнул и ткнулся носом мне в плечо. Я улыбнулась.

— Хорошие, — сказала я. — Как назовём?

Джек пожал плечами.

— Как хотите, госпожа. Это ваши лошади.

Я посмотрела на них — на двух гнедых, с рыжиной, которых заводчик считал браком. На братьев, которые стояли рядом, плечом к плечу.

— Пусть будут Рыжий и Гнедой, — сказала я. — Просто. По-нашему.

Джек кивнул. Бран улыбнулся. А лошади жевали сено и не знали, что они — брак. Для меня они были лучшими. Потому что они были мои.

Глава 9

После отъезда графини прошло около двух недель. Дороги подсохли, весна окончательно вступила в свои права, и замок жил своей обычной жизнью — швеи шили, художницы писали, переписчицы скрипели перьями, скорняки выделывали кожу. Джек вернулся с лошадьми, каретник в городе начал работу над экипажем, мельницу заложили на старом фундаменте. Всё шло своим чередом.

А потом начали приезжать люди.

Сначала — по одному, по двое. Потом — целыми семьями. Кареты, телеги, повозки — небогатые, но не нищие. Люди, которые когда-то были аристократами — баронами, мелкими графами, обедневшими дворянами, — а теперь привозили в замок своих детей. Сыновей и дочерей. «Лишние рты», — говорили они. И в их глазах была не злость, не жестокость — отчаяние. То самое, которое я видела у баронессы фон Мейер несколько месяцев назад, когда она привезла Иоланту.

Первыми приехали фон Раушены — обедневшая семья из-за дальнего леса. Барон фон Раушен, седой, сгорбленный, в поношенном сюртуке, и его жена — худая, усталая женщина в выцветшем платье. Они привезли двух дочерей: Эмилию, шестнадцати лет, и Клару, четырнадцати. Обе девочки были некрасивы — слишком бледные, слишком худые, с

длинными носами и тонкими губами. Обе молчали, глядя в пол. Барон говорил за них:

— Госпожа, мы не можем их прокормить. Я болен, хозяйство развалилось, долги. Девочки умеют читать, писать, вышивать. Старшая немного рисует. Мы не просим денег — только возьмите их. Пусть работают. Пусть живут. Мы будем знать, что они не голодают.

Я посмотрела на девочек. Эмилия — высокая, с длинной косой, с глазами, в которых застыл страх. Клара — маленькая, сжавшаяся, как будто хотела стать невидимой. Я вспомнила себя. Чужой замок, чужие люди. Я тоже боялась. Я тоже не знала, что будет.

— Оставайтесь, — сказала я. — Обе. Комната, стол, работа. Если умеют писать — пойдут к переписчицам. Если рисуют — к художницам. Если вышивают — к швеям. Разберёмся.

Барон заплакал. Тихо, без всхлипов, просто слёзы потекли по щекам, и он вытирал их рукавом. Жена обняла девочек и что-то зашептала им на ухо. Потом они уехали — на старой телеге, которая едва держалась на колёсах.

Через три дня приехал Эрих фон Штерн с сыном. Мальчик лет двенадцати, хромой — одна нога короче другой, — с рябым лицом после болезни. Звали его Карл. Отец, отставной полковник с деревянной ногой, говорил коротко, по-военному:

— Госпожа, я не могу его содержать. Пенсия маленькая,

жена умерла, я сам едва хожу. Мальчик умный, руки хорошие — может работать. Но не в поле. Не на войне. Ему нужно место, где не нужны быстрые ноги.

Я посмотрела на Карла. Он стоял прямо — насколько мог, — и смотрел на меня без страха. Спокойно. Как будто знал, что его отдадут, и смирился.

— Ты умеешь что-нибудь делать? — спросила я.

— Умею читать и писать, — сказал он. — Умею считать. Умею чинить — отец учил. Всё, что можно починить руками.

Я кивнула. Скорняки как раз искали помощника — не для кожи, а для инструментов. Бран жаловался, что ножи тупятся, шила ломаются, а чинить некому. Карл подходил.

— Пойдёшь к скорнякам, — сказала я. — Будешь чинить инструменты. И учиться. Понял?

Он кивнул. Отец кивнул тоже — коротко, по-военному, — и уехал.

Потом были ещё. Фон Берги — две дочери, обе тихие, обе некрасивые. Фон Линдеманны — сын с заячьей губой и дочь с косоглазием. Фон Келлеры — три дочери, все бесприданницы, все старшие в семье. Фон Мейеры — сын-горбун, умный, но слабый. Фон Циммерманы — дочь-немая, которая, однако, писала так быстро и чётко, что Лизбет ахнула.

Они приезжали и приезжали. К концу второй недели в замке стало на двадцать три человека больше. Двадцать три ребёнка — от двенадцати до семнадцати лет, — которых от-

дали, потому что не могли прокормить. Мальчики и девочки. Хромые, рябые, горбатые, немые, косые, тихие, некрасивые. Все — лишние. Все — ненужные. Все — с глазами, в которых был страх и надежда.

Я не отказывала никому. Я не могла. Потому что видела в них себя. Потому что знала, каково это — быть лишней. Потому что кто-то когда-то принял меня.

Швеи взяли девочек — тех, кто умел держать иглу. Марта распределила: старших — на сложное, младших — на простое, совсем неумелых — в ученицы. Бабка Хельга взяла двух девочек с хорошими руками — учить вышивке. Скорняки взяли мальчиков, Карл, хромой, сел чинить инструменты. Художницы взяли тех, кто умел рисовать, — Иоланта и Катарина, — и я видела, как они учат их смешивать краски, держать кисть. Переписчицы взяли тех, кто умел писать, — Лизбет и Амалия, — и немую девочку, которая писала быстрее всех, посадили за стол рядом с Лизбет.

Конюхи взяли мальчиков — чистить стойла, носить воду, кормить лошадей. Повариха взяла двух девочек — чистить овощи, мыть посуду. Лекарь Готлиб взял мальчика с рябым лицом — тот, оказалось, умел считать и мог помогать с отварами.

К концу недели все двадцать три были при деле. У каждого — своё место. Своя работа. Своя комната. Свой стол. Своя еда. Никто не был лишним.

Я стояла в холле вечером, глядя, как они расходятся по

мастерским — кто в швейную, кто в скрипторий, кто в конюшню. Мальчик-горбун нёс инструменты Брану. Девочка немая шла с Лизбет, держа в руках пергамент. Хромой Карл ковылял к скорняжной, и Тим — пятилетний ученик Брана — шёл рядом, что-то ему рассказывая. Двадцать три ребёнка. Двадцать три судьбы. Двадцать три пары рук, которые будут работать.

Джек подошёл ко мне и тихо сказал:

— Госпожа, это ещё не все. Я слышал, что в соседних деревнях есть ещё. Люди узнали, что вы берёте. Они приедут.

Я кивнула.

— Пусть приезжают. Место есть. Работа есть. Еда есть. Примем всех.

Он кивнул и отошёл. Я осталась стоять в холле. За окном темнело, и в замке зажигались свечи. Двадцать три новых человека. И ещё приедут. И ещё. Потому что молва шла. Потому что люди знали: в замке Виктории берут всех. Никого не прогоняют. Никого не считают лишним.

Я улыбнулась и пошла в свою комнату. Впереди был вечер. И новый день. И новые люди. И новая работа. Всё шло своим чередом.

Глава 10

К концу недели стало ясно: замок переполнен. Двадцать три новых человека — плюс те, кто приехал раньше, — и свободных комнат не осталось. Я обошла с Эстой все этажи, заглянула в каждую кладовую, каждую нишу, но стало понятно: больше людей в главный корпус не влезет. Швеи спали по трое в комнате, где раньше жили двое. Скорняки — вместе с мальчиками-учениками, в тесноте. Переписчицы — в скриптории, на раскладушках. Дальше так продолжаться не могло

Я позвала Джека. Мы стояли в холле, глядя на двор через открытую дверь. Вечерело, и в окнах флигеля — того самого, где была выставка, — горел свет. Там сейчас жили Бран и Торн с учениками, там же спали двое мальчиков-ко-нухов. Флигель был старый, но крепкий — каменный, с толстыми стенами, с большой комнатой, которую мы использовали под выставку, и несколькими меньшими, где раньше хранили зерно. После того как мы привели его в порядок для выставки, он стоял почти пустой — только картины да столы. Теперь пришло время использовать его по-настоящему.

— Джек, — сказала я, — флигель. Он ведь достаточно вместителен?

Джек кивнул.

— Да, госпожа. Там есть большая комната — та, где бы-

ла выставка. И ещё три меньших. Если поставить кровати — можно разместить человек пятнадцать, может, восемнадцать. Не роскошно, но тепло и сухо. Крыша крепкая, стены не промерзают. Я проверял.

— Тогда переселяем туда швей и скорняков, — сказала я. — Швей — в большую комнату, скорняки — в меньшие. Или наоборот, как удобнее. Пусть будет тесно, но не так, как сейчас. И ещё — поставь туда печку. Одну, большую. Чтобы зимой не мёрзли.

Джек кивнул и записал.

— Сделаю, госпожа. Но если приедут ещё — а они приедут, — места не хватит и там.

Я задумалась. Он был прав. Люди шли, и поток не прекращался. Ещё двадцать три — и мы снова упруемся в стены. Нужно было думать дальше.

— Джек, — сказала я, — надо строить ещё один флигель. Рядом с первым. Такой же — каменный, крепкий, с большими окнами. На двадцать-тридцать человек. С комнатами, с печами, с кладовыми. Настоящий дом, а не сарай.

Джек чуть поднял бровь, но не удивился. Он давно ждал этого разговора.

— Это дорого, госпожа. Камень, дерево, работа. Если строить с нуля — около пятидесяти марок. Может, больше. Плюс печи, плюс мебель, плюс всё остальное.

— Я знаю, — сказала я. — Но у нас есть деньги. Не все сразу — но мы можем начать. Заложить фундамент сейчас,

до лета. К осени возвести стены. К зиме — закончить. Если не успеем — переждём зиму в тесноте, а весной закончим. Но начинать надо сейчас.

Джек кивнул — медленно, обдумывая.

— Я найду каменщиков. И плотников. У нас есть свои — те, что чинили крышу, что строили мельницу. Они могут взяться. И ещё — на мельнице работают мужики из деревень. Они могут перейти на флигель, когда мельница будет готова.

— Хорошо, — сказала я. — Составь смету. Подумай, где брать камень — у нас есть старые развалины за садом, там можно набрать. Дерево — в южном лесу, сухостой. Работы много, но это не на месяц. Это на всё лето.

Джек записал и вышел. Я осталась стоять в дверях, глядя на флигель. Там горел свет, и в окнах двигались тени — швеи устраивались на новом месте, скорняки перетаскивали инструменты. Ещё один дом. Ещё одно здание. Ещё одно место, куда придут люди, которым некуда идти.

Я вызвала Джека на следующее утро — с планом, который сложился у меня в голове за ночь. Он пришёл, и я развернула перед ним лист бумаги, на котором набросала примерный план флигеля.

— Джек, — сказала я, — я передумала насчёт размера. Одного этажа мало. Нужно три.

Он чуть поднял бровь, но не перебил. Я продолжила:

— Три этажа. На каждом — по пять спален. Небольших,

но тёплых. По две-три кровати в каждой. И на каждом этаже — две-три большие комнаты под мастерские. Не для жилья — для работы. Чтобы девушки не таскали прялки и мольберты через весь двор. Чтобы всё было под рукой.

Джек смотрел на мой набросок — кривой, но понятный. Потом перевёл взгляд на меня.

— Госпожа, это уже не флигель. Это дом. Большой дом. На три этажа, с мастерскими, с кладовыми, с печами. Это будет стоить не пятьдесят марок, а сто. Может, сто двадцать. И времени уйдёт не до осени, а до следующей весны.

— Я знаю, — сказала я. — Но у нас есть деньги. Не все сразу — но есть. И потом — если мы построим мало, мы снова упрёмся в стены через полгода. А если построим сразу — хватит на год, может, на два. Сто марок — это много. Но это вложение. В людей. В работу. В будущее.

Джек помолчал, потом кивнул.

— Хорошо. Три этажа. Пять спален на каждом. Две-три мастерские. Я найду каменщиков. И плотников. И ещё — нужно будет много дерева. На перекрытия, на полы, на крышу. Я пошлю людей в южный лес — там сухостой, его много.

— Сколько времени? — спросила я.

— Если начать сейчас — заложить фундамент до конца весны, — то к осени возведём стены. К зиме — крышу. Внутренняя отделка — весной. К следующему лету можно будет заселять.

Я кивнула. Год. Целый год. Но это было правильно. Лучше

построить сразу и хорошо, чем потом перестраивать.

— И ещё, — сказала я. — В мастерских нужны окна. Большие. Чтобы света было много. Художницам нужно, переписчицам нужно, швеям нужно. И печи — на каждом этаже. Чтобы зимой работали, а не мёрзли.

Джек записал. Потом посмотрел на меня.

— Госпожа, а как быть с теми, кто уже живёт во флигеле? Швей, скорняки? Их же некуда будет переселить, пока новый дом не готов.

— Пока — пусть живут там, — сказала я. — Тесно, но переживут. А когда новый флигель будет готов, переселим их туда. Или оставим в старом, а новый отдадим под мастерские и спальни для новых. Разберёмся. Главное — начать строить.

Джек кивнул и вышел. Я осталась сидеть в кресле с чашкой чая. За окном светило солнце, и в замке было тихо. Где-то внизу стучали молотки — строили мельницу. Где-то наверху скрипели перья — переписчицы работали. Всё двигалось. Всё росло.

Я думала о новом флигеле. Три этажа. Пятнадцать спален. Шесть-восемь мастерских. Большие окна. Печи. Кладовые. Дом, в котором будет место для всех — для тех, кто уже здесь, и для тех, кто ещё придёт. Потому что они придут. Слух шёл. Молва ширилась. И люди шли.

Я улыбнулась и взяла перо. Пора было написать письма — тем, кто давал адреса, тем, кто спрашивал, тем, кто ждал. Сказать, что место есть. Что работа есть. Что дом строится.

И что они могут приезжать. Все. Кто хочет. Кто может. Кто не боится работать.

Глава 11

Про императорский бал я вспомнила только через несколько дней — когда в замок пришло письмо от баронессы фон Морн. Оно было коротким, но восторженным: «Найра Виктория, мы блистали. Все спрашивали, кто шил, кто рисовал, кто делал сумки. Мы сказали — из замка. Ждите гостей». Я прочитала, улыбнулась и отложила письмо. А потом о нём забыла — дел было слишком много: новые люди, новый флигель, мельница, колодцы, заказы, счета.

А потом они приехали. Через портал — вспышка серебристого света прямо в холле, — и на этот раз не двое, а пятеро. Баронесса Элеонора фон Морн, графиня Аделаида фон Штайн и ещё три дамы, которых я не знала. Баронесса и графиня — в платьях, которые мы шили (и которые были отправлены готовыми через портал с пришедшими от дам слугами), с сумками и перчатками, которые делали Бран и Торн, с украшениями, которые вышли из-под рук наших вышивальщиц. Они стояли в холле и сияли — не от свечей, а от удовольствия.

Баронесса шагнула вперёд и обняла меня — крепко, по-настоящему.

— Найра Виктория! Вы не представляете! Мы произвели фурор. Настоящий фурор. Императрица спросила, кто шил моё платье. Я сказала: «Провинциальная мастерица из зам-

ка найры Виктории». Она запомнила. Она запомнила ваше имя!

Я чуть склонила голову.

— Благодарю, ваша милость. Рада, что вам понравилось.

— Понравилось? — баронесса рассмеялась. — Это было триумфом! Все хотели знать, где мы это взяли. Мы говорили — у вас. И вот — мы привезли подруг. Они хотят заказать. Всё — платья, портреты, книги, сумки. Всё.

Три новые дамы — незнакомые, но с теми же оценивающими взглядами, — стояли чуть позади и улыбались. Я видела, что они смотрят на замок, на холл, на картины — и им нравится. Баронесса повернулась к ним:

— Найра Виктория — та самая, о которой я говорила. Она делает чудеса. И у неё работают девушки — художницы, швеи, переписчицы. Все — из бедных семей. Она даёт им дом и работу. Это... — она поискала слово, — это вдохновляет.

Дамы закивали. Я пригласила всех в большую гостиную — ту самую, с новой мебелью, — и велела подать чай. Мы сели, и разговор пошёл. Баронесса рассказывала о бале — как они вошли, как все обернулись, как императрица подозвала её и спросила о платье. Графиня добавляла детали — как одна из фрейлин пыталась узнать, кто шьёт, и как она отказалась говорить, чтобы сохранить секрет. Подруги слушали с завистью и нетерпением.

Потом начались заказы. Дамы перебивали друг друга —

кто хотел платье, кто портрет, кто книгу, кто сумку. Баронесса заказала ещё два платья — «для следующих балов, чтобы никто не успел скопировать». Графиня — портрет в полный рост. Одна из подруг — молитвенник с иллюминациями. Другая — комплект сумок и перчаток. Третья — вышитое покрывало для своей спальни.

Я записывала. Потом повела их по мастерским — к швеям, к скорнякам, к художницам, к переписчицам. Дамы ходили, смотрели, трогали, выбирали. И платили. Не торгуясь, не считая. Баронесса оставила сто марок вперёд — «на всё, что закажем». Графиня — ещё пятьдесят. Подруги — по тридцать каждая. Я смотрела на монеты, которые ложились на стол, и не верила. Двести сорок марок за один визит. Это было больше, чем мы заработали за всю зиму.

К вечеру дамы уехали — через портал, с обещанием вернуться через месяц. Я стояла в холле с монетами в руках и смотрела, как закрывается овал. Потом поднялась в свою комнату, села в кресло и высыпала золото на стол. Оно блестело в свете свечей — тёплое, тяжёлое, настоящее.

Я думала о том, что теперь всё изменится. Флигель — три этажа, пятнадцать спален, мастерские. Мельница. Колодцы. Новые люди. Новые заказы. Всё это было возможно. Всё это было уже почти реальностью. Потому что две женщины из столицы надели наши платья на бал к императору и произвели фурор. И теперь все хотели то же самое. То, что делали мы. В замке. Руками девушек, которых никто не хотел брать

замуж. Мальчиков, которых отдавали, потому что не могли прокормить. Людей, которые были лишними — и стали нужными.

Я улыбнулась и откинулась в кресле. За окном темнело, и в замке зажигались свечи. Где-то внизу стучали молотки — строили мельницу. Где-то наверху скрипели перья — переписчицы работали. Всё двигалось. Всё росло. И теперь у нас были деньги, чтобы это не останавливалось.

Глава 12

С деньгами всё пошло быстрее. Джек вернулся из города с расширенным списком рабочих — не трое, не пятеро, а пятнадцать человек. Мужики из деревень, которых наняли на мельницу, плюс новые — те, что искали работу в городе и не нашли. Джек отбирал сам: крепких, не ленивых, не пьющих. Платил хорошо — лучше, чем в городе, — и люди шли. К середине лета двор замка напоминал муравейник: одни таскали камни, другие месили глину, третьи пилили доски. Стук молотков не смолкал с рассвета до заката.

Колодцы почистили первыми. Джек повёл людей в деревни — в Вересковую, в Дубки, в Ольшаник. Работали по неделе на каждый. Вычерпали грязь, углубили дно, укрепили стенки камнем и известью, поставили новые срубы. Воду проверили — чистая, холодная, без запаха. Бабы в деревнях плакали и кланялись. Мужики жали руки. Джек вернулся усталый, но довольный — впервые за долгое время я видела, как он улыбается.

Мельница была готова наполовину. Фундамент заложили ещё весной, стены возвели к началу лета, крышу — к середине. Оставалось главное: жернова и механизм. Джек заказал жернова у мастера в городе — самые лучшие, из твёрдого камня, — и они должны были прийти к концу месяца. Но был и другой способ ускорить дело. Джек купил в горо-

де магические амулеты — небольшие каменные пластины с рунами, которые вешали на стены и на механизмы. Они не творили чудес, но ускоряли работу: камень ложился ровнее, раствор схватывался быстрее, дерево не трескалось. Джек не очень верил в магию, но купил — на всякий случай. И, кажется, не прогадал: стены мельницы встали вдвое быстрее, чем он рассчитывал.

Дом — новый флигель — был построен на треть. Три этажа, как я и хотела. Пятнадцать спален. Шесть мастерских. Большие окна — уже вставили стёкла. Печи — уже сложили. Крыша — уже покрыта черепицей. Внутри ещё было пусто — голые стены, некрашенные полы, — но снаружи дом стоял. Настоящий. Крепкий. Большой. Я ходила по нему с Джеком, и мы отмечали, где что будет: здесь — швейная, здесь — скорняжная, здесь — художественная, здесь — скрипторий. Спальни — на втором и третьем этажах, по пять на каждом. Кладовые — в подвале. Всё продумано. Всё на месте.

К концу лета должно было быть готово. Колодцы — уже. Мельница — к осени. Дом — к зиме. Люди работали, деньги текли, заказы шли. Из столицы приезжали всё новые дамы — через портал, с рекомендациями от баронессы и графини. Они заказывали платья, портреты, книги, сумки. Платили щедро. Джек уже не успевал ездить в город за материалами — посылал помощников. Марта не успевала распределять заказы — брала новых швей. Лизбет не успевала переписывать — брала новых учениц.

Я стояла на крыльце вечером, глядя на двор. Строители уходили усталые, но довольные. Где-то в новом флигеле горели свечи — там уже жили первые швеи, которые переехали. Где-то в мельнице стучали — заканчивали механизм. Где-то в скриптории скрипели перья — переписчицы работали над заказами. Всё двигалось. Всё росло. И теперь это было не медленное, осторожное движение — это был поток. Река, которая набрала силу и несла нас вперёд.

К середине лета холл замка стал напоминать проходной двор — но не потому, что к нам ехали гости, а потому, что за заказами приезжали слуги. Порталы вспыхивали то и дело — серебристые овалы открывались прямо посреди холла, из них шагали лакеи и горничные в ливреях столичных домов, кланялись, называли имя господина или госпожи, забирали готовое и оставляли новый заказ. Иногда — с задатком. Иногда — с письмом. Иногда — просто с благодарностью.

Первыми забрали платья. Баронесса фон Морн прислала своего камердинера — сухого старика с безупречной осанкой, — и он увёз два платья, аккуратно упакованных в сундуки. Следом — графиня фон Штайн, за портретом в полный рост. Потом — молитвенник для одной из подруг баронессы. Потом — сумки и перчатки для другой. Потом — ещё платья, ещё портреты, ещё книги. Слуги приходили, кланялись, забирали, оставляли новые заказы и деньги. И исчезали в порталах, оставляя после себя лёгкий запах чужих духов и серебристое мерцание, которое медленно таяло в воздухе.

Я сидела в большой гостиной — с чашкой чая, со списком, — и принимала их. Не всех лично: иногда Эста, иногда Джек, иногда Лизбет. Но чаще — я. Потому что слуги хотели видеть хозяйку. Потому что их господа велели передать что-то лично. Потому что так было принято — в этом мире, где репутация значила больше, чем деньги.

Один из слуг — лакей графини Аделаиды, молодой, с белыми перчатками и непроницаемым лицом, — принёс письмо. Графиня писала, что портрет ей нравится, что она повесила его в гостиной, и что все спрашивают, кто писал. «Передайте Иоланте, что она гений. И передайте ей ещё один заказ — портрет моей матери. Через месяц. С предоплатой». Я кивнула и записала.

Другой слуга — от найры Ирмы фон Даль — привёз три новые заказа: два платья и вышитое покрывало. Оставил задаток — тяжёлый кошелёк, — и уехал. Я передала заказы Марте, и та только головой покачала: работы становилось всё больше.

Третий — от бургомистра. Он заказывал ещё одну книгу — сборник городских указов, — и просил поторопиться. «К зиме. Очень нужно». Лизбет вздохнула, но взялась. Переписчицы работали в три смены — днём, вечером, иногда ночью, при свечах. Книга о богах была почти готова — осталось несколько страниц. Молитвенник для баронессы — в работе. Сборник законов — в очереди. И новые заказы всё шли.

Я пересчитывала деньги — они лежали в сундуке, в моей комнате, — и не верила. За лето мы заработали больше, чем за два предыдущих года. Всё это делали люди, которых никто не хотел брать. Девушки, которых не брали замуж. Мальчики, которых отдавали, потому что не могли прокормить. Женщины, которые пришли с пустыми руками. И теперь их работа висела в столичных гостиных, лежала на столах у императорских фрейлин, стояла на полках в библиотеках. Их работа была нужна. Их работа была ценна.

Платья, портреты, книги, сумки, перчатки, вышивка — всё это уходило в столицу одно за другим, и я видела, как полки в мастерских пустеют. Ещё неделя-две, и мы бы догнали сами себя. Но тут случилось то, чего я ждала с нетерпением.

Карета.

Джек заказал её ещё весной — у старого каретника в городе, который делал крепкие экипажи без лишней роскоши, но надёжные. Он обещал закончить к середине лета. И вот — середина лета наступила, а кареты всё не было. Я ждала. Джек ездил в город — узнать, в чём дело. Каретник говорил: «Ещё немного. Дни. Может, неделя». Но неделя проходила, а карета не появлялась.

Я начала волноваться. Не потому, что карета была мне нужна срочно, — а потому, что я привыкла, что если что-то обещано, оно должно быть сделано. Джек тоже волновался — он ездил к каретнику трижды, и каждый раз возвращался

с одним и тем же: «Почти готово. Ждите».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.